

ГАЙДН В ЧЕРНОБЫЛЕ

Сколько же здесь мы с тобой
уже пробыли.

Фраки, пюпитеры...
Чутьочку верится,
в то, что наш шарик
по-прежнему вертится.
Что еще есть где-то в мире гармонии,
залы Чайковского, консерватории.
И в подтверждение надежд моих зыбких
солнечной радостью брызнули скрипки,
бархатной нежностью виолончели.
Лица смягчились, глаза потеплели.
И опустился над зоной зловещей
вечер апрельский,
чарующий вечер.
Гайдн в Чернобыле. Гайдн в Чернобыле.

Сколько же надо здесь выстрадать,
чтобы знать цену музыки в зоне особой,
где от контрастов кровь в жилах стынет,
в зоне цветущих садов и пустыни,
в зоне, где с дрянью соседствует чистое,
в зоне стяжательства и бескорыстия.
Где не просохли соленые слезы,
танками сматы березы и розы.
А сиротливые села пленили
горькие запахи буйной полыни.
В зоне решительных, трусов и нытиков,
авантюристов и трезвых политиков,
В зоне позора, несомого ветрами.
В зоне, где смерть повенчалась
с бессмертием...

И среди этого ада забрезжило
что-то щемящее, чуткое, нежное,
в прах повергая нечистые силы
силою вечности неугасимой,
и зажигая средь мрака и скверны
луч долгожданной утерянной Веры.
Вот и глаза уже радостно светятся,
значит, Надежда на жизнь

еще теплится,
значит пульсируют в нашей крови
чудом спасенные искры Любви.
Значит пробилась артерией узенькой
в души, от ран онемевшие, музыка.
Значит напасти не все из нас выжали.
Значит на зло мы всем дьяволам
выжили
Дело не предали. Души не продали...
Гайдн в Чернобыле. Гайдн в Чернобыле.
Апрель 1987 года.

КАРА-ДАГ¹

(¹ Горы вулканического происхождения
в Крыму)
И вновь стою я у подножья.
Как в омут канули года.
А ты такой же, все такой же,
ты не стареешь, Кара-Даг.
Несокрушимо, величаво
взметнулась чудом из чудес
вулканом вздыбленная лава
из сини моря в синь небес.
И в ней неистовство движенья.
огня и бурь навек слились
в одно смешали день и ночь,
из тьмы к свободе, свету, ввысь.
Земная твердь, земные цепи
твою сковать пытались мощь,
но грянул ты, и дым и пепел
в одно смешали день и ночь.
Глубины вздыбились морские.
Глотали бездны твердь пород.
И в огнедышащей стихии

● Поэты Чернобыля

„...Когда мне порою
бывает несладко“

В душе каждого физика, как известно, живет лирик.
Михаила Пантелеевича Уманца многие знают как инженера-атомщика. Как чело-
века, преданного профессии, выбранной раз и навсегда. Многие знают его как
глазного инженера Ленинградской, а затем директора Чернобыльской АЭС, а сей-
час — как председателя Государственного комитета Украины по использованию
ядерной энергии. Но, уверены, совсем немногие знают Михаила УМАНЦА как...
поэта.

носился молний хоровод.
Ты рвался ввысь из заточенья,
крушил, ярился и кипел,
и лишь земного тяготенья
ты, Кара-Даг, не одолел.
И с первой встречи, где б я не был,
твои вершины в синеве
руками мученика к небу
воздетыми живут во мне.
И знаю я, что не воспели
стихи талантов и невежд
трагизм не достигенья цели,
трагизм несбывшихся надежд.
Но боль твою, душой приемля,
Твоей завидую судьбе.
И миг пред тем, как лечь мне в землю,
хотел бы я прожить в борьбе.
Ни жажда славы одолела,
но быть хочу достойным строк:
«Он на земле немного сделал,
а все же сделал все, что мог».
И вновь стою я у подножья,
как в омут канули года.
И как я рад, что ты такой же,
мой друг, у моря, Кара-Даг.

1970 год.

ПИСЬМО ИЗ ЧЕРНОБЫЛЯ УМЕРШЕМУ ДРУГУ

(Владиславу Величко посвящается)
Здесь, конечно, не фронт.
Но не знаю, где хуже.
Год здесь за три.
В ожогах луга и леса.
Исквернены судьбы,

обуглены души
и закаты в крови,
и в свинце небеса.
И укором немым
каждый дом обездоленный,
где облезлые псы о спасеньи скулят.
Я ночами крошечными корчусь от боли.
И стыда
за славянское наше тяп-ляп.
Нам ведь горе любое —
Наука недолгая.
Мы про наше забыв,
под себя все гребем,
а о Родине, Совести, Чести и Долге
Лишь тогда вспоминаем,
когда грянет гром.
Вот тогда мы герои
и оптом, и в розницу.
Попадай амбразуры,
огонь нам и дым.
Нипочем и здоровье, и жизнь,
и как водится,
мы, славяне, тогда
за ценой не стоим.
И победу отпраздновав
с привкусом тризны,
обелиски воздвигнув,
скорбя и любя,
забываем о болях
и судьбах Отчизны,
вновь гребем под себя
и живем для себя.
Так уж, Славка, случилось,
пришло мое время,
позвало и я здесь,
где же больше мне быть.

В эти черные дни я в строю
вместе с теми,
кто не может забыть
и не хочет забыть.
И другим никогда не позволят забыться.
Так хочу я в конце этих
тягостных дней
увидать бескорыстные
добрые лица
и улыбки на лицах
счастливых людей.
И когда мне порою бывает несладко
и растерянность в душу
ползет, как змея,
мне спасением мысль:
да ведь рядом же Славка.
Значит должен не дрогнуть
и выстоять я.
Как любили с тобою
мы эту планету
за туманы, покосы,
за росы земли.
Надо было, и шли мы
в пары компанентов.
Надо было,
в поля радиации шли.
И сейчас мы идем,
как по минному полю,
выверяя дозиметром
каждый свой шаг.
Здесь в атаке не ходят,
штыками не колят.
Здесь жесток и коварен
невидимый враг.
Но я верю,
что вместе с тобою
мы выстоим
против всех непогод
и невзгод, и огня.
И я знаю,
что первым шагнешь ты под выстрел
и закроешь собою
от пули меня.

Февраль 1987 года.

ЗАЛ ЧАЙКОВСКОГО. ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ ЧАЙКОВСКОГО

Словно воля нежданная узнику,
точно в горных снегах весна...
Были в зале Она и Музыка.
Только Музыка и Она.
Чем сумела меня зажечь она
огрубевшего на ветрах,
розуносая нежная женщина
с изумрудным пожаром в глазах.
Отодвинулось прошлое, сгнуло
и прелюдией светлых начал,
ожиданием неповторимого
снова Первый концерт звучал.
Ликовала мелодия гордая.
Звуки в буйные ритмы слились.
Громовые раскаты аккордов
утверждали весну и жизнь.
Над сердцами и душами властвуя,
зал в единый порыв слотив,
гимном вечному и прекрасному
вновь любимый звенел мотив.
И как воля нежданная узнику
точно в горных снегах весна...
Были в зале Она и Музыка,
Только Музыка и Она.

1971 год